Владимир КОЛЫШКИН

КОНТРОЛЬНОЕ ОБРЕЗАНИЕ

18+

Владимир Колышкин

Контрольное обрезание

«Автор»
2025

Колышкин В.

Контрольное обрезание / В. Колышкин — «Автор», 2025

Мюнхен, 1920-й год XX века.Гитлер только начинает карьеру политика.И тут прибывает оперативная группа из убойного отдела Моссада...

© Колышкин В., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Владимир Колышкин
Контрольное обрезание

«Филистимлянин Голиаф был огромен и силен, казалось, что маленький Давид не сможет его победить. Но Давид раскрутил свою пращу и пустил камень прямо в лоб великану. Голиаф зашатался и рухнул на землю так, что она содрогнулась. Тогда Давид поднял длинный тяжелый меч филистимлянина и, размахнувшись, отрубил ему голову».

Библия. Ветхий Завет.

==========

Глава 1

Подвальное помещение пивной «Штернэккерброй» раньше, видимо, использовалось для особо пьяных пирушек господ государственных советников. А теперь, к весне 1920 года, все пришло в упадок. Единственное окошко выходило на узенькую улочку. Несмотря на солнечное утро, в сводчатом помещении царил полумрак и холод склепа. Взгляд угнетали голые кирпичные стены, с которых скупой хозяин содрал деревянную обшивку, прежде чем сдать этот подвал в аренду. Меблировка была убогой – несколько стульев, конторка, стол и несгораемый шкаф. Повсюду наблюдался деловой беспорядок. Везде кучками лежали или валялись на полу листовки, плакаты, прокламации и прочие агитки.

За столом сидел, хотя еще и молодой, но изрядно измотанный жизнью мужчина, одетый весьма своеобразно: в солдатских ботинках, штатских брюках, в потрепанном военном кителе времен битв за Фландрию и в модном гражданском галстуке, совершенно не вяжущемся с обликом демобилизованного солдата, задница мыслей которого все еще находилась в окопах. В надежде хоть как-то согреться в холодном подвале, на плечи мужчины была наброшена столь же старая шинель без погон, голову покрывала бюргерская фуражка.

Вообще говоря, странное соединение мелкобуржуазных и военных элементов в одежде и в мыслях, столь характерное именно для национал-социалистов, всегда придавало их движению своеобразный, двойственный характер.

Фальшиво насвистывая «Дейчланд убер аллес», он двумя пальцами стучал по клавишам старой раздолбанной пишущей машинки «Адлер». Потом отогревал окоченевшие руки дыханием и вновь принимался за дело.

Дверь отворилась, вошли трое. Респектабельные господа. Все в длинных одинаковых черных пальто до пят, словно от одного портного; в белых шарфах и в необычно высоких шляпах-котелках.

Заметив вошедших, мужчина бросил работу, приветливо улыбнулся, поздоровался. Посетители, судя по виду, иностранцы, пробурчали в ответ что-то малопонятное. Хозяин помещения растерялся и лишь спустя какое-то время его контуженые мозги с трудом сообразили, что посетители поздоровались на голландском. «Хуе морхен», сказали они, что означает «Доброе утро». Именно так здоровался один голландец, который почему-то затесался среди военнопленных французов и русских. Было это в страшном восемнадцатом…

– Что хотели бы узнать, любезные господа? – приветливо осведомился обитатель подвала; видно было, что ему осточертели все эти бумаги, и он рад любому случаю отвлечься.

Стоявший в середине троицы незнакомец, который был старше остальных, заговорил с каким-то не вполне понятным акцентом, перейдя на немецкий:

– Здесь ли находится штаб-квартира нацист… э-э-э… «Национал-социалистической Рабочей партии»?

– Если вы имеете в виду Немецкую Рабочую партию, то да.

– Да, мы иметь в виду это… – вклинился другой незнакомец, стоявший слева, здоровенный детина, комплекцией похожий на громил, которых иногда встретишь на Съестном рынке.

Центровой укоризненно посмотрел на своего товарища, и тот виновато увял.

– Штаб-квартира – это слишком пышно для нашей маленькой и очень бедной средствами партии, – сказал человек в беспогонной военной форме. – Просто бюро. А я что-то вроде делопроизводителя. Моя фамилия Шюслер. Чем могу быть полезен?

Незнакомцы замялись. И снова заговорил старший. Но перед этим он снял котелок, изысканным движение пригладил аккуратно зачесанные седые волосы.

– Видите ли… мы журналисты, хотели бы узнать кое-что о вашей партии… Каковы ее цели, задачи, есть ли программа?..

– Вы иностранные журналисты? – полюбопытствовал делопроизводитель, принюхиваясь к изысканному запаху дорогого одеколона и рассматривая булавку с бриллиантом, которой был заколот шелковый шарф незнакомца.

– О да! Мы иностранцы. Прибыли прямо из… Голландии. Утренним поездом из Амстердама…

Подвальный обитатель был удивлен и обрадован.

– Неужели же и в Голландии уже знают о нашей партии? хотя мы только-только начинаем…

– Мы, собственно, поэтому и прибыли…

– Вам, видимо, надо поговорить с нашим председателем – господином Дрекслером, а еще лучше – с шефом пропаганды – Гитлером. Адольф Гитлер мой старинный товарищ, еще с окопных времен… Вот человек, который умеет говорить! Настоящий оратор! С его приходом маленький кружок мечтателей быстро превращается в настоящую партию… Он, собственно, меня и сагитировал… Вы приходите на наши собрания, вам все станет ясно…

– Спасибо за приглашение. Обязательно придем… Но прежде нам бы хотелось лично встретиться с герром Гитлером? Где мы его можем увидеть?

– Адольфа-то?.. Ну, где он находится в данный момент, сказать вам не смогу. Днем он собирался поехать в ресторацию «Германская Империя», что на Дахауэрштрассе, договариваться насчет аренды зала. На вечер среды у нас намечено собрание…

– Значит, Дахау?.. штрассе, ресторация… э-э-э?..

– «Германская империя», – подсказал Шюслер. – Дахауэрштрассе. Только ехать туда сейчас еще рановато… Я вам лучше дам его домашний адрес, наверняка, он сейчас дома, работает над тезисами… Сию минуту я сейчас напишу на листочке, извините… а потом мне надо бежать по делам… Я ведь тут один кручусь, партия бедная, штата нет. Я и делопроизводитель, и курьер, и этот, как его… Вот, держите адресок: дом номер 41 по Тиршштрассе, вблизи Изара. Адольф там сейчас снимает комнату…

Предводитель журналистов прочел адрес и, удовлетворенный, сунул бумагу в карман.

В это время входная дверь отворилась, и по лестнице в зал спустился какой-то человек. Был он на излете молодости, с коротко подстриженными усами щеточкой под настырным носом, с бледным запавшим лицом и низко спадающими на лоб волосами. Будучи небольшого роста, он, однако, казался долговязым из-за своей худобы и нервных угловатых движений.

Под распахнутом стареньком макинтошем виднелся синий двубортный костюм, перешитый из военной формы. К своему костюму человек носил сиреневую рубашку, коричневую жилетку и ярко-красный галстук. Привлекали взгляд также его желтые башмаки.

Было такое впечатление, что, одеваясь столь отталкивающе крикливо, он меньше руководствовался желанием показаться приятным, нежели стремлением заставить запомнить себя.

Весь этот пестрый гардероб дополняла мягкая шляпа из велюра, какие обычно носили художники Швабинга – богемного мюнхенского пригорода, где обитали также всякого рода анархисты, утописты и прочие апостолы новых ценностей.

Этого человека, впрочем, можно было приять за начинающего коммерсанта или рекламного агента.

Судя по его несколько неуклюжей, но целеустремленной походке, это был человек деятельный, да еще и взрывной фанатик. В его пронзительном взгляде промелькивала этакая безуминка. Любой человек, мало-мальски разбирающийся в людских характерах, определит – этот может повести за собой поверивших ему товарищей в огонь, в воду и даже к черту на рога.

– А вот и он сам! – обрадовано воскликнул универсальный работник бюро. – На ловца, как говорится… Здорово, Адольф! Тут к тебе журналисты пожаловали, да еще и из-за границы! Ты, братец Гитлер, становишься знаменитостью… А? Окопный Демосфен… ха-ха-ха!

Гитлер смущенно освободил свою руку от брутальных тисков фронтового камрада и довольно сдержано поздоровался с журналистами. Руки не подал. Он вообще избегал телесных контактов с людьми, отличаясь маниакальной чистоплотностью. «Микробы так и набрасываются на меня», часто жаловался он.

Старший из посетителей стал говорить какие-то банальности, предшествующие обычно серьезному разговору.

Человек с усиками слушал и все больше хмурился. Лицо его приняло болезненное выражение, почти страдальческое. Только водянисто-синие глаза навыкате смотрели с неукротимой твердостью, а над переносицей между глубокими глазницами скапливалась, выпячиваясь наподобие желвака, фанатичная воля.

Визитеры явственно уловили напряжение невидимых силовых полей – абсолютно несовместимых, взаимно отталкивающих. Перед ними стоял хищный зверь, вервольф, прикинувшийся человеком. Большие некрасивые ноздри его трепетали, казалось, он принюхивался к незнакомцам.

Еще с порога, как только увидел эти черные фигуры, звериным своим чутьем Адольф почувствовал расового врага. Подобных им он хорошо помнит еще со времен Вены и Линца, особенно Вены, которая кишела ними, как солдатский сортир червями.

На каждом шагу на улице бросались в глаза фигуры в долгополых черных кафтанах и в высоких шляпах и казались чужестранцами из какого-то таинственного мира и принесшими с собой ужасы этого мира.

Они могли провести простофилю Шюслера, но его, Гитлера, не одурачишь, он их по запаху определяет и лукавому взгляду. Сионистская братва. Они могут как угодно замаскироваться: обрезать сальные пейсы, сбрить бороды, спрятать кривые волосатые ноги под дорогим костюмом, но сути своей, сути кровопийц, они скрыть не в состоянии. Их с головой выдают хитрые бегающие глаза цвета фиников. О! Как он ненавидел этих черноволосых паразитов, которые совершенно сознательно губят наших неопытных молодых светловолосых девушек, в результате чего мы теряем такие ценности, которые никогда не восстановим…

– Из какой же вы газеты, господа, позвольте узнать?.. – бесцеремонно перебил говорившего «братец Гитлер». – Если вы представляете марксистов, то я с этими «товарищами» дел не имею…

Долговязый произнес слово «товарищи» на русский манер и с такой брезгливостью, с таким отвращением, будто выплюнул кусок тухлого мяса, который ему, вегетарианцу1, насильно затолкали в рот.

– Нет, что вы! – отмахнулся седовласый, но вида моложавого, по-армейски подтянутого, с небольшим шрамом в виде светлой полоски над левой бровью.

Впрочем, все трое, как успел заметить шеф пропаганды, имели военную выправку, и взгляды их были жесткими, несмотря на старания выглядеть светскими, сугубо штатскими людьми. Это чувствовалось. Военный человек всегда отличит себе подобных среди штатского дерьма.

– …что вы! Мы не марксисты и уж тем более не коммунисты. Мы… как бы это сказать…

Седовласый покосился на делопроизводителя.

– Вы, кажется, торопились в редакцию? Мы хотели бы поговорить с герром Гитлером приватно.

– Ах, да! – спохватился Шюслер и, взявши портфель, стал набивать его папками с бумагами. – Вот, Адольф, хорошо, что ты пришел… тогда я не буду запирать… Мне надо заглянуть в общество «Туле», потом кое-куда отнести «Протоколы сионских мудрецов». Оттуда заскочу в «Мюнхенер беобахтер». Занесу твою статью…

– Какую статью?

– Ну, эту… «Мировой Татарин и Вечный Жид».

– Разве ты ее еще не отдал?! – Гитлер судорожно сцепил руки и аж подпрыгнул от нетерпения. Все-таки ему было трудно сдерживать свою кипучую натуру. Он искренне не понимал людей, которые в виду ясной цели могут так безответственно лентяйничать и преступно тянуть резину… Это про них поговорка: «Морген, морген, нур нихт хойте, загте аллес фаулер лёйте».

– А где печать? – спросил агитатор.

– Какая печать? – обомлел Шюслер.

– Круглая печать партии!!!

– А-а-а, там, в левом верхнем ящике стола.

– Как – стола? Почему – стола? Ведь я просил держать печать в сейфе, ведь это самое ценное, что у нас есть!

– Я думал, что самое ценное – это люди, – обиделся соратник. – Да что ты с ней носишься?.. Вчера Харрер заходил, увидел печать, смеялся: «Гитлер забюрократился».

– Хорошо смеется тот, кто все делает всерьёз, – мстительно ответил шеф пропаганды.

Гитлер достал печать, с нежностью подышал на нее и запер в несгораемый шкаф, потом закончил разнос нерадивому работнику:

– И, наконец, прошу тебя, будь аккуратен! У нас нет уборщицы. Везде у тебя листы разбросаны. Ведь невозможно же работать в таком свинарнике, меня это сбивает!.. Как можно правильно мыслить, если бумаги валяются поперек и кверху ногами. Тогда ведь и мыслить будешь кверху ногами. Отсюда все наши беды.

– Ты же говорил, что наши беды от засилья евреев, – возразил фронтовой друг.

– Разумеется, они – главный наш враг. Но своим разгильдяйством мы льем воду на мельницу мирового еврейства.

– Прости, совсем замотался, – ответил камрад. – Мне одному везде не успеть. Я и делопроизводитель, я секретарь-машинист, я и курьер, и этот, как его… Хорошо, хорошо, бегу!..

Тут зазвонил телефон – допотопный, чудовищный монстр, на взгляд странной троицы.

– Ну вот, – Шюслер рванулся обратно, придерживая спадающую шинель, схватил трубку: – Але? Да… Он здесь…

Шеф пропаганды подошел, отнял у делопроизводителя трубку, приставил этот уморительный крендель к уху.

– Гитлер у аппарата. Нет. Антона Дрекслера не будет до завтра. В паровозном депо… Да, понимает, он же слесарь-механик. Я не могу, у меня выступление в другом месте. Обязательно. Что?.. Какой вопрос? – рассеянно внимая голосовым излияниям из трубки, шеф пропаганды движением руки поторопил копушу-сотрудника – давай, давай, мол.

Шюслер умчался, хлопнув дверью и потеряв какую-то бумажку.

– Послушайте, вы занимаетесь ерундой… – на повышенных тонах сказал Гитлер невидимому своему собеседнику, – ерундой вредной и отвлекающей от настоящего дела. Нет, вы все-таки послушайте меня! Судьбы мира решаются не тем, победят ли католики протестантов или протестанты католиков, а тем, сохранится ли арийское человечество на нашей земле или вымрет. Да-да, именно так стоит вопрос… Так и передайте им… Надо мыслить глобально и… футурально. До свидания, мне некогда. У меня народ.

– Так, я вас слушаю, господа, – сказал Гитлер, бросив трубку на рога аппарата и скрестив руки на груди (поза обороны с точки зрения психологии). – Простите, вы так и не назвали своих имен…

– Что ж, пожалуйста, – ответил старший за всех и представил себя и своих коллег:

– Натан Кассель, Эзра Кор-Бейт. Голди Даржан.

Перышки усов Гитлера злобно зашевелились и сами собой поднялись кверху. Он перевел негодующий и вместе с тем торжествующий взгляд с седовласого Натана, на коренастую фигуру Кор-Бейта и задержался на стройном молоденьком Голди. Секунду спустя Гитлер понял, что этот малый вовсе не парень, а переодетая в мужскую одежду женщина. Еврейская Жорж Санд,

усмехнулся ариец. Впрочем, они мало походят на писак из газеты, на этих пачкунов, у которых руки испачканы чернилами, как у мясника кровью. Они, даже женщина, больше походят на бойцов, наверное «Спартаковцы», коммуняги… или из «гвардии Эрхарда Ауэра» социал-демократов. Евреи там кишмя кишат…

– Кто вы? – твердо поставил вопрос шеф пропаганды.

– Я имею звание майора израильской армии, – ответил Натан, – а это мои подчиненные: лейтенант (кивок на девушку) и сержант (жест в сторону Кор-Бейта). Мы из Моссада. Из отдела спецопераций.

– Что это за город такой? Никогда о таком не слышал, – сказал Гитлер и язвительно добавил: – Вы уже и армию собираете?.. Мировое еврейство готовится к войне!

– Моссад не город, а секретная служба государства Израиль. А что касается войны…

– Израиль! – воскликнул Гитлер, выпучив глаза так, что казалось, они выпадут из глазниц. – Государство!? Еще одна новость! Где же находится такое… государство? – Долговязый снова будто выплюнул еще один кусок тухлого мяса. – Может быть, в Палестине? Или где-нибудь в Египте? А может быть… – человек с усиками захохотал, – может быть, на Северном полюсе или в Антарктиде?!?

– Вы угадали сразу, – ответил Натан Кассель. – Но это к делу не относится. У нас здесь не урок географии…

– А что? – озлобившись, повысил голос Гитлер. – Что у нас здесь?!

– Урок мести, – ответила девушка за своего начальника и вынула откуда-то пистолет. Тяжелый для девичьей руки, с какой-то длинной трубкой, наверченной на ствол.

У Гитлера похолодела спина. Однако нельзя было сказать, что он сильно испугался. Его дерзкое бесстрашие перед лицом действительности не было лишено признаков маниакальности.

Но он понял, что попал в переплет. Чего-то подобного он ожидал. И со стороны коммунистов-предателей, которых он в прошлом году, после свержения Советской власти в Баварии, выявлял по заданию ликвидационной комиссии второго пехотного полка (да вот не всех выявил). И со стороны ортодоксального еврейства, от какого-нибудь сумасшедшего, типа Гаврилы Принципа, убившего в Сараево эрцгерцога Фердинанда. Слишком открыто, слишком оголтело он, Гитлер, нападал на них, на евреев. Общество к этому еще не привыкло, не готово; надо было работать вкрадчивее, осторожнее, но теперь, может быть, уже поздно. «Эх, жаль, как назло, Шюслера отпустил… И вообще, я слишком был самонадеян… Слишком поверил в свою избранность…»

Его охватила апатия, уныние… но вслед за этим, словно получив откуда-то подзарядку жизненной энергией, он ожил: «Нет, я не «был», я есть, есть! И буду!! Я не могу умереть!!!»

Какое-то шестое чувство явно говорило ему, что его ждет восхитительное будущее, когда сбудутся все его самые дерзкие мечты и, может быть, со страшным концом, но не сейчас, а как минимум, через четверть века. И за этот срок – блестящие победы в неком фантастически иллюминированном мире. Он уже как будто видел знамена, армии и триумфальные парады – и вот эта пелена, окутывавшая его сны наяву, вдруг грубо и неожиданно была сорвана. Это вызывало ярость.

– В чем меня обвиняют? – спросил Гитлер, едва сдерживаясь, в надежде, что еще как-нибудь выкрутится. В конце концов, с опасностью он встречался не впервой – и на фронте, и во время демонстраций, и во время потасовок с коммунистами на собраниях, да мало ли!.. Как это часто бывало, случится чудо, и рок пощадит его, оставит для выполнения великой миссии.

– Ваша беда в том, что вы мыслите слишком глобально и потому совершите в будущем страшные преступления против человечества, – сказал тот, кого звали Натан Кассель.

– … и в частности, против еврейского народа, – добавила Голди. – Вам пока незнакомо слово «холокост», а нам оно знакомо слишком… Вот посмотрите, полюбуйтесь на дело рук своих… Эзра, предъяви подсудимому обвинительные материалы.

Здоровяк достал из кармана и развернул веером глянцевые листы, сунул их под нос обвиняемому. Тот отстранился, близоруко сощурился, рассматривая фотографии, на которых были изображены горы наваленных трупов и бульдозеры, сваливавшие человеческое месиво в огромный ров; и что-то там еще было вовсе ужасное…

Для вегетарианского сознания Гитлера было невыносимым видеть такое количество мяса, как, впрочем, и костей. Его замутило.

– Что это? – прохрипел он, отстраняясь еще дальше.

– Концлагеря, газовые камеры, массовые расстрелы, крематории, миллионы жертв…

Голос Голди дрогнул, у нее перехватило горло, слезы покатились по щекам. Она, однако, переборола себя, подняла пистолет, передернула затвор. Ее товарищи тоже достали оружие и привели его в готовность.

– Именем израильского народа… – Объявил Натан Кассель.

Гитлер внезапно ослеп. Шок потряс его организм до основания, и накатила тьма. Будто вернулась болезнь, от которой он, казалось, вылечился навсегда. Глаза защипало как тогда на Ипре, когда в холодную осеннюю ночь с 13 на 14-е октября 1918 года, находясь на холме близ Варвика, он попал под многочасовой беглый обстрел газовыми снарядами, который вели англичане. На секунду пришла спасительная мысль: может быть, его послегоспитальная жизнь всего лишь галлюцинации, мучившие его беспрерывно, когда его глаза превращались в горячие уголья, – и он сейчас очнется на койке лазарета в Пазевальке. Откуда-то из темноты приблизится невидимая рука сестры милосердия и мягким теплом коснется щеки, и нежный голос произнесет: «Капрал* Гитлер, проснитесь, пожалуйте на процедуры». [*Гитлер имел звание ефрейтора, санитарка путалась в воинских званиях. (здесь и далее прим. автора).]

Но отнюдь не ангельский голос слышался, а суровые слова приговора военно-полевого суда. Это было так нелепо, что лишь какие-то отрывки долетали до его ошеломленного сознания:

«Превентивный приговор… благодарное человечество… привести в исполнение немедленно».

В судорожной попытке спастись, он попытался их заговорить, применив свои очевидные медиальные способности, когда казалось, что его устами глаголет сам дьявол. Но его прервали, толкнули к стене.

И тут он вспомнил о своем автоматическом оружии, оттягивающем задний карман. Зная, что все равно не успеет его снять с предохранителя, дослать патрон в ствол и тем более выстрелить, он все же выхватил браунинг и навел его на едва видимые, словно тени, фигуры.

Девять негромких хлопков прозвучало под каменными сводами склепа-подвала. Каждый из агентов выстрелил по три раза. Бог троицу любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.